

Письмо къ читателямъ.

Красота спасеть мiръ.
Достоевскiй.

Всю жизнь меня потрясали таинственныя слова Евангелiя: *Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный.* „Будьте прекрасны, будьте всевъдуши, будьте свободны и всеильны“ переводилъ я смыслъ этихъ таинственныхъ словъ и передъ моею душою занималась заря невѣдомаго свѣта, словно приподымалась завѣса, скрывающая тайну Будущаго. А между тѣмъ, двѣ тысячи лѣтъ твердили человѣку, что онъ—глѣнь и прахъ, что онъ—сосудъ грѣха, и что самое спасенiе его души возможно только благодаря божественному милосердiю.

Я не знаю ничего патетичнѣ старенькой крестьянки-бабушки, всю жизнь работавшей не менѣ своей измученной клячи, не имѣвшей никакихъ радостей и бездну всякихъ заботъ и горя, когда она—глубоко вздыхала и благоговѣнно крестясь—молила Царицу Небесную спасти ее, грѣшную, отъ заслуженной гибели. Это патетическое настроенiе легло въ основу духовной жизни всего христiанскаго мiра, оно обезсилѣло душу людей недоувѣриемъ къ себѣ, превратило въ какую то мертвую фикцiю идею Бога-Отца, а у потерявшихъ вѣру интеллигентныхъ слоевъ общества совсѣмъ заглушило сознание своей божественности.

Но—и это явленiе временное. Все наше тревожное отчаянiе за судьбу человѣка прекратится какъ неразумный лепетъ ребенка, когда мы будемъ больше знать нашу собственную природу, подойдемъ къ ея незатронутымъ еще глубинамъ и начнемъ сознательно развивать скрытыя въ нихъ возможности.

Помню, какъ меня много лѣтъ назадъ взволновало письмо, помѣщенное въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ которомъ авторъ, въ отвѣтъ на статью, освѣщавшую религiозный вопросъ съ догматической точки зрѣнiя, спрашивалъ съ волненiемъ и душевной мукой: гдѣ искать ключа къ евангельскимъ

тайнамъ, какъ понять призывъ Христа къ совершенству, какъ понять Его обѣщаніе „горы сдвигать“, возвратить зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, здоровье страждущимъ? Онъ видѣлъ въ этихъ словахъ Христа указаніе на безграничныя возможности внутри самого человѣка, на какія-то скрытыя въ немъ силы, которыя могутъ сдѣлать его *богоподобнымъ* и о которыхъ мы равно ничего не знаемъ: „Гдѣ же скрываются эти силы? Какъ вызвать ихъ къ жизни? Кто укажетъ намъ?“ Вопросы эти были поставлены авторомъ письма съ большимъ огнемъ и все письмо было проникнуто твердой рѣшимостью искать и стучаться до тѣхъ поръ, пока не раскроется тайна обѣтованія Божественнаго Учителя, предъ которымъ все было открыто—и прошедшее и будущее—и который не могъ обѣщать неисполнимаго.

Меня потрясло это письмо потому, что въ немъ былъ громко и опредѣленно поставленъ вопросъ о томъ самомъ главномъ во всемъ ученіи Христа, что въ теченіе двухъ тысячилѣтій замалчивалось вольно или невольно, а если и затрагивалось, то на такихъ туманныхъ высотахъ мысли, которыя совершенно недоступны въ долинѣ жизни, гдѣ живутъ обыкновенные люди. А вѣдь слова Христа были сказаны для всѣхъ, они *всѣмъ* обѣщали, что человѣкъ *можетъ* достигнуть божественнаго совершенства.

Хотѣлось бы мнѣ знать, удалось ли автору письма найти ключъ къ тайнѣ Христовыхъ словъ? Возможно, что да, потому что его душа загорѣлась тѣмъ огнемъ, который заставляетъ человѣка сойти съ привычныхъ тропинокъ мысли, искать новыхъ путей и доходить до конца, и есть много признаковъ, что это—не исключительное явленіе, что уже много человѣческихъ душъ начинаетъ искать того же ключа. Судя по этимъ признакамъ, мы подходимъ къ новой міровой задачѣ, къ задачѣ *внутренняго строительства*, вызывавшей къ себѣ до сихъ поръ такъ мало вниманія потому, что люди были слишкомъ поглощены внѣшнимъ строительствомъ.

Задачу эту можно бы обозначить тремя словами, *раскрытие тайны человѣка*.

Мы уже вырвали много тайнъ у природы, но намъ не удастся постигнуть тайну Бога, пока мы не овладѣемъ „тайной человѣка“. Ибо не внѣ себя, а только внутри себя можетъ человѣкъ познать Бога.

Читатель можетъ спросить: какіе же признаки я вижу, что люди подходятъ къ этой новой задачѣ? Виднѣе всего эти признаки въ искусствѣ, которое все болѣе и болѣе стремится передать

не то, что внѣ человѣка, а то, что внутри его. И еще замѣтнѣе это въ томъ вдохновеніи и подъемѣ, которые художникъ вызываетъ каждый разъ, когда ему удастся выразить въ звукахъ или краскахъ ту таинственную, невыразимую для нашихъ трехмѣрныхъ понятій жизнь души, которую всѣ мы носимъ внутри себя.

Мы смотримъ на картину талантливаго художника, которому удалось въ прекрасныхъ воздушныхъ символахъ выразить глубочайшія переживанія своего духа, которымъ нѣтъ имени на земномъ языкѣ, и мы испытываемъ вмѣстѣ съ нимъ его глубокія и свѣтлыя волненія, которыя переносятъ насъ на высшій планъ бытія. Мы слушаемъ одухотворенную музыку и на время перестаемъ жить нашимъ обычнымъ сознаниемъ во времени и пространствѣ, мы начинаемъ жить высшимъ сознаниемъ: гармонія, созданная такой же человѣческой душой, какъ наша, будитъ въ насъ отвѣтныя вибраціи и поднимаетъ насъ въ высшіе міры, гдѣ кончаются наши земные диссонансы и начинается непрерывная гармонія. Въ такія минуты въ насъ проявляются силы, которыя въ обыденное время спятъ. Искусство будитъ ихъ, потому что оно одно способно выразить красоту духа, а ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на нашу душу, какъ напоминаніе объ этой красотѣ. Мы такъ долго жили сознаниемъ на одномъ физическомъ планѣ и такъ привыкли къ его шумнымъ и рѣзкимъ вибраціямъ, что когда намъ удастся подняться на высоту, гдѣ раскрывается вся тонкая красота нашей духовной природы,—насъ потрясаетъ внезапное прикосновеніе къ ней:

Прошлой зимой мнѣ пришлось быть на лекціи-концертѣ піаниста Тора. Концертъ давался въ провинціальномъ городѣ; залъ былъ переполненъ. Лекторъ говорилъ о томъ, какъ создавалась музыка, какъ она прежде всего служила для выраженія религіознаго чувства людей: говорилъ о судьбѣ русской музыки и объ ея особенностяхъ, затѣмъ знакомилъ аудиторію съ характеромъ музыки Чайковскаго, демонстрируя ее съ помощью туманныхъ картинъ, рояли и пѣнія. Все это было очень интересно, но всеобщій подъемъ и напряженное вниманіе начались тогда, когда лекторъ заговорилъ о душѣ русскаго народа. Онъ говорилъ, что душа народа, создавшая такую музыку какъ наша, музыку, въ которой соединилась глубина и одухотворенность, необъятная ширина настроенія и тонкая отзывчивость,—такая душа таитъ въ себѣ великія духовныя возможности. Она создастъ своихъ Бетховеновъ и своихъ Моцартовъ, но еще болѣе могучихъ и прекрасныхъ. На это ей даютъ право ея страданія и ея размѣры. Но что такое

народная душа? Гдѣ она? Эта душа — мы сами, нашъ собственный духъ, и если мы хотимъ, чтобы душа нашего народа создала высокую красоту, *мы* должны растить красоту въ себѣ самихъ, мы должны очищать нашъ внутренній міръ, сознательно оберегать его отъ дурныхъ вторженій, строить его по линіямъ той чистой красоты, которая раскрывается передъ нами, когда мы перестаемъ подчиняться велѣніямъ нашей низшей природы и начинаемъ слышать голосъ нашего Высшаго Я.

Я могу не точно передавать слова лектора, но смыслъ ихъ былъ именно такой. Смыслъ этотъ и былъ той электрической искрой, которая зажгла всѣхъ присутствовавшихъ; когда мы расходились, чувствовалось совершенно необычайное настроеніе, словно произошло какое-то важное и радостное событіе. А произошло только то, что людямъ напомнили, *что они могутъ быть прекрасны.*

Мы такъ привыкли, что всѣ призывы обращены къ нашему интеллекту и изрѣдка къ нашимъ чувствамъ, и такъ необыченъ для насъ призывъ къ вѣчной красотѣ нашего духа, а тѣмъ болѣе — твердо высказанная вѣра въ эту красоту, что это для насъ — такіе же „невѣдомые звуки“, какіе когда-то потрясали нашихъ далекихъ предковъ, правившихъ кровавыя тризны, когда они впервые услышали проповѣдь всепрощающей любви и кроткаго милосердія. Во время лекціи-концерта Тора можно было ясно видѣть по загорѣвшимся глазамъ и просвѣтленнымъ лицамъ, что „невѣдомые звуки“ падаютъ не на бесплодную почву, а на вспаханную ниву.

Такое же впечатлѣніе можно было вынести и изъ другого общественнаго собранія, на которомъ демонстрировалась хотя и совершенно иначе, но по существу все та же скрытая красота человѣка. Я говорю о вечерѣ въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ, на которомъ столичная публика знакомилась съ чрезвычайно интереснымъ явленіемъ, носящимъ скромное названіе *ритмической гимнастики*. Жакъ Далькрозъ, изобрѣтатель этой новой области искусства, показалъ въ наглядныхъ примѣрахъ, что гармонія живетъ въ душѣ каждаго человѣка; нужно только разбудить ее и перевести изъ скрытаго состоянія въ явное.

Вызванное посредствомъ музыки чувство гармоніи выражается у учениковъ Далькроза необыкновенной красотой движеній: легкость, грація, благородство и свобода этихъ движеній заставляла мечтать, что на сцену Михайловскаго театра спустился греческій Олимпъ, и не простые смертные, а молодые боги дви-

гаются подъ ритмъ музыки—то легкіе какъ духи природы, то величественные какъ пророки, то нѣжные и мечтательные, то суровые какъ древніе воины.

А между тѣмъ, ученики Далькроза — простые работники и работницы изъ Hellerau вблизи Дрездена, гдѣ онъ основалъ свой „Институтъ Ритмической Гимнастики“. Не мудрено, что, зрители, привыкшіе смотрѣть на себя, какъ на „продуктъ наслѣдственности и среды“, должны были невольно задуматься: откуда эта неожиданная красота? Какъ объяснить эту грацію, и достоинство, и высокую одухотворенность въ движеніяхъ самыхъ обыкновенныхъ людей?

И что самое главное, эта гармонія и красота—не результатъ искусственной тренировки, какая бываетъ въ хореографическихъ школахъ, гдѣ совершенство движеній у танцующихъ достигается путемъ упорнаго и часто мучительнаго труда. Всѣ, присутствовавшіе при занятіяхъ Далькроза, говорятъ о чувствѣ удовлетворенія и радости, которое испытываютъ его ученики. Рассказываютъ, что пожилые люди, сбѣгающіеся толпами, чтобы посмотрѣть на упражненія въ „Институтѣ“ Далькроза, горюютъ, что имъ уже поздно учиться и не придется испытать тѣхъ радостей, какими пользуется ихъ молодежь.

Это чувство радости есть ясное указаніе на то, что Далькрозъ напалъ на путь прямого воздѣйствія на высшую природу человѣка, на его духъ или его „Высшее Я“, какъ называетъ болѣе тонкая восточная психологія внутренній центръ человѣка. Музыкальная гармонія—принадлежность высшаго, духовнаго плана, а не нашего физическаго плана; тамъ нѣтъ диссонансовъ, слѣдовательно нѣтъ и страданій, тамъ царитъ гармонія и ея спутница—радость. Наше Высшее Я живетъ или вибрируетъ—что одно и то же—по законамъ этого высшаго плана (или духовнаго міра, какъ принято называть на Западѣ); ему свойственна та же гармонія и радость, и это хорошо знаютъ всѣ гении, мистики и великіе художники, которые тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ людей, что они приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ этимъ высшимъ планомъ бытія; но и обыкновенные люди приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе, когда музыкальная гармонія заставляетъ вибрировать ихъ Высшее Я. Подобное дѣйствуетъ на подобное: подъ вліяніемъ однородныхъ вибрацій человѣческой духъ пробуждается и овладѣваетъ своимъ орудіемъ—земнымъ сознаниемъ, въ которомъ на эти минуты сліянія съ его высшей природой—погасаютъ всѣ рѣзкія, земныя вибраціи и возникаютъ от-

звуки неземной красоты невидимаго духовнаго міра. Этого и достигаетъ Далькрозь: онъ будить высшую природу своихъ учениковъ, которая заставляетъ тѣло двигаться по законамъ своей собственной гармоніи; отсюда—красота движеній и красота настроенія, которую мы называемъ *радостью*. Такую же радость мнѣ пришлось наблюдать на урокахъ музыки А. М. Унковской, также какъ Далькрозь умѣющей будить душу своихъ учениковъ и также пролагающую новые пути для искусства своей цвѣто-звуковой методой, съ которой читатели „Вѣстника Теософіи“ знакомы по письмамъ г-жи Унковской.—Такая радость будетъ частой гостью въ школахъ будущаго, когда педагоги узнаютъ истинную природу человѣка и начнутъ дѣйствовать не вопреки ея законамъ, какъ они дѣйствуютъ теперь, а въ согласіи съ этими законами.

Всѣ такія явленія, какъ обращенная къ „Высшему Я“ лекція-концертъ Тора, какъ будящіе интуицію цвѣто-звуки Унковской, какъ раскрывающая красоту человѣка ритмическая гимнастика Далькроза, все это—приближеніе къ той грани между видимымъ физическимъ міромъ и міромъ невидимымъ, которая становится съ каждымъ днемъ все прозрачнѣе и тоньше. Еще нѣсколько такихъ наглядныхъ уроковъ и передовая волна человѣчества вступитъ въ новую эру; въ этомъ недалекомъ будущемъ форма будетъ признаваться орудіемъ духа, а новая общественная этика потребуетъ отъ человѣка, чтобы онъ подчинялъ свое творчество велѣніямъ духа, а не требованіямъ эгоистическихъ инстинктовъ своей низшей природы.

Прелюдией къ этому новому акту человѣческой драмы будетъ пробужденная вѣра въ красоту человѣка, въ безпредѣльные возможности его эволюціи, въ божественныя свойства его безсмертнаго духа.

Воистину, красота спасетъ міръ.

Другъ читателя.

